

28.08.2002

Собеседник - 2002

-28 авг. - с. 12, 13

Рената Литвинова:

Надо рожать и много работать

Эта женщина вызывает полярные чувства: одних раздражает, другие ею восхищаются. Кто такая Рената Литвинова, определить сложно. Она и сценарист, и режиссер, и актриса, а теперь еще и продюсер. Сыграла Альбину в фильме «Граница. Таежный роман», сняла пронзительную картину «Нет смерти для меня» с Мордюковой, Окуневской, Васильевой, Самойловой и Смирновой в главных ролях, по мотивам ее книги Валерием Тодоровским написан сценарий «Страны глухих». А недавно Рената закончила работу над фильмом «Небо. Самолет. Девушка», своеобразным ремейком «Еще раз про любовь».

После рождения дочери бросила курить

— Рената, вы довольны результатом?
— Картина вышла потрясающая, такая простая, камерная, благородная. Ее взяли на конкурс Венецианского фестиваля. Это очень почетно.
— А я думала, сейчас начнется самобичевание, которому так любят предаваться творческие люди.
— Нет, мне понравилось. Картина получилась вопреки всему. К тому же в ней одни дебютанты — режиссер Вера Сторожева и я в качестве продюсера совместно с Еленой Яцуро.

Изначально это очень хорошая история. По мотивам пьесы «104 страницы про любовь» Эдварда Радзинского. Фильм получился пронзительный. Я и сама не ожидала. Хотя если бы была режиссером, то сняла бы его по-другому.
— А как Радзинский отнесся к вашему детству?
— Фильм он еще не видел, но он наш соратник. Очень качественный человек.
— Как стиральная машина...
— Бывают люди, которые периодически дают сбой. Слава и власть часто портят их.

— Зато о вашей работоспособности уже слагают легенды. Во время беременности снимались всю, а однажды встречали Новый год в метро, потому что хотели куда-то успеть...
— Это давняя история. Я действительно застряла в подземке. Ровно в двенадцать поезд встал в тоннеле и заглодел. Я сидела в вагоне одна и думала, почему у меня такая странная жизнь. Очень сильные были переживания.
— А вы могли бы вообще не работать, жить за счет мужа? Кстати, кто он?
— Он инженер, его зовут Леонид. Мой муж — это прежде всего друг. Я считаю, с мужчиной должна объединять не дикая страсть, а понимание, поддержка.
— В русской традиции любовь — это жалость.
— Это великое чувство. Не понимаю, как можно любить, не жалея. Это неправильно. Не жалеешь — значит, не любишь. А деспотизм или мученичество — не любовь, а вокруг этого.

Я думаю, чего мы все время требуем от мужчин? Они уже не те, что раньше — есть даже научные исследования, подтверждающие, что мужские гены изменились. Требуется от них традиционного поведения — защитника, добытчика — бесполезно. Это очень загадочные существа, которые ничего мне не должны.
Тут к нашему столу подходит девушка и просит записалку. «Я не курю», — пожимает плечами Рената.
— И давно бросили?
— Во время беременности, а после рождения Ули так и не стала продолжать.
— Вы планировали ребенка?
— Я очень его хотела, но он появился неожиданно. Почти сразу после того, как встретила своего мужа.
— Почему имя такое выбрали?
— А мне оно всегда нравилось. Такое сильное, светлое. Плохой человек Улей быть не может.

— Дочь растет как типичный брошенный ребенок из актерской семьи?
— Да что вы! Конечно, нет. Я живу за городом, но обстоятельства вынуждают меня приезжать в Москву. Тогда дочь остается с няней. А в основном я дома торчу. Дочке уже годик, мы с ней книжки читаем. А воспитывать... У нее ведь уже есть свой характер, который не переделаешь. Ребенку нужны любовь и внимание. А что-то запрещать — это не выход. Я постоянно натыкаюсь на женщин, которые прилюдно обзывают своих детей дураками. Как они не боятся, что эти дети вырастут и не будут их любить?
— А многие вообще не хотят рожать...
— Если не родишь в определенном возрасте, то станешь диким эгоистом. И привыкнешь все время жить ради себя. Такие люди в каком-то смысле защищены — они не знают, что теряют, отказываясь от детей. После появления Ули моя жизнь изменилась, я наполнилась, как будто приблизилась к солнцу.

Когда снялась в рекламе колготок, хотела разбить телевизор

— Я с трудом представляю вас на кухне, среди кастрюль. Какие у вас отношения с бытом?
— Я могу что-то приготовить. Но домашняя работа очень неблагодарная. Моешь-моешь, а потом все опять грязнится. А какие колоссальные жертвы приносили наши мамы при отсутствии стиральных машин, боже мой! Да им памятник надо ставить. А ведь некоторые платят родителям черной неблагодарностью. Это грустная тема.
— Еще хотите детей?
— Хочу. Пусть их будет как можно больше. Я считаю, надо много работать, рожать детей и мало есть. А люди столько едят! Я себя ограничиваю, я волевой человек.
— Правда, что пишете по ночам?
— А по-другому никак. Днем в доме все время народ. Пишу часов до трех ночи, на компьютере. А в половине седьмого встаю моя Ульяна и спать мне уже не дает. Я завидую мужчинам, которые могут все бросить на жену и уехать.
— Журналистов домой не пускаете после того, как одна корреспондентка вам зуб сломала микрофоном (мы беседуем в кафе «Мосфильм»)?
— Мы все напуганы отрицательным опытом, который не забывается. В то же время мне не хочется публичности. Знаю, на Западе звезды пускают журналистов в свои дома, но им платят за это какие-то колоссальные деньги, которые компенсируют депрессию, вызванную вторжением в твой дом чужих людей. Это было бы бесполезно для некоторых наших актеров. У нас все печально в этом смысле. Иностранцы режиссеры, когда сюда приезжают, не могут понять, почему наши актеры не волят машину, не знают английского, не имеют своих кассет с материалом. А потому что у них нет денег на это.
— К вам это тоже относится?
— Конечно. Если у кого-то и есть большие деньги, то они зарабатываются не в кино. А это уже совсем другая жизнь, нетворческая.

— Благополучие и творчество несовместимы?
— Волнения мою жизнь только наполняют. Бывают такие толстокожие, заглубившиеся люди с оловянными глазами — и вдруг с ними что-то случается. Например, болезнь. Они начинают таять, худеть, глаза излучают боль, обнажается душа. Я все время думаю: а где же она была раньше? Почему для того, чтобы произошли эти изменения, жизнь обязательно должна ударить? Окончательное и зажившее благополучие с творчеством несовместимо. Деньги одновременно прикрывают и обнажают. Деньги — это свобода, независимость, возможность чувствовать себя неуязвимым. Этот минимум очень важен.
— Ваш минимум — какой?
— Нужны деньги, чтобы иметь свою территорию, помогать близким, иногда делать себе что-то приятное. Плохо, когда ты стар, немощен, а еще и зависишь от своих детей. В этом есть страшная расплата человека за что-то.
— Вы думаете о своей старости, чем будете заниматься?
— Чем заняться — это не проблема. И даже если просто на склоне лет ничего не делать, а просто жить, общаться с детьми — в этом тоже есть своя прекрасность. Момент зависимости от своего здоровья, близких удручает.
— Вы так много работаете для того, чтобы обеспечить себе безбедное существование?
— Я работаю потому, что некая сила тащит меня по заданному пути. Бог обо мне думает, и я даже могу привести доказательства существования божественных сил, которые за мной следят. В молодости у меня было отсутствие боязни смерти. Сейчас я это чувство слегка утратила, потому что себя «заемлила» хотя бы тем, что родила ребенка. Умирать мне теперь никак нельзя. Есть и другие люди, которых я нанесла бы сокрушительные удары своим уходом. Плохо не тем, кто нас покидает, а тем, кто остается. Когда погибла моя партнерша по фильму «Увлеченная» — такая прелестная, талантливая, — я все время думала о ее одинокой маме. О том, что она чувствовала, потеряв ребенка.
— Вам приходилось работать только ради денег?
— Снималась в рекламе колготок у Грымва. Ее показывали каждый день: я думала, что разобью телевизор. Но были моменты, когда и 200 долларов казались приличной суммой. Слава Богу, маме своей я теперь могу помочь (стучит по дереву).
— Мама ведь вас в одиночку воспитывала?
— Да. С моим отцом рассталась, когда мне был год. Папа — очень красивый мужчина, но рано умер. В этом смысле у меня был комплекс — мне всегда хотелось иметь отца. Когда приходили подруги, я вешала какой-нибудь пиджак в прихожей, чтобы все знали, что мой папа дома.

«Обожаю старые альбомы Земфиры»

— Педагоги сценарного факультета, где вы учились, как к вам относились?
— Числилась я скорее как нерадивая. Никогда ко мне не было однозначного отношения. Все время вызывали, анализировали мои работы. Профессорско-киновед подчеркивала мои тексты красным со словами: «Так нельзя писать!» Я часами доказывала ей обратное. Какая-то неадекватность во мне была. Но я удивляюсь — вокруг училось столько радивых и более покладистых. Ничто не предвещало, что я буду активно работать. Я была отрешена. У меня постоянно спрашивали: «Почему у Литвиновой нет ни одного поставленного сценария?» За мной активно ухаживали люди с режиссерского, но чтоб с ними работать? У меня это в голове не укладывалось. А потом Кира Муратова пригласила меня сниматься, и я согласилась. А до этого все время отказывалась. Я была зажатая, стеснительная, мое лицо казалось мне некрасивым, широким.
— А что вас не устраивает в профессии актрисы?
— Мне не нравится подчиняться людям. Предпочитаю сниматься в фильмах по своим сценариям.
— А с Миттой в «Границе» как работали?
— Мне хотелось сыграть несколько сцен о любви. Это был мой первый опыт. У Киры Муратовой мне не довелось всю гамму чувств пережить. Отвергать несчастного мужа, ходить пьяной, расхристанной. Это интересно.

— А носки в лашпу резать?
— Меньше. Если ты идешь с режиссером в дальний путь, то разделяешь с ним и приятности, и трудности. Я Митту очень люблю. Он меня приглашает в свои новые картины. Хотя играть как актриса, по какой-то системе, я не умею. Мне это не свойственно и кажется смешным. В такой игре я вижу штампы. Все большие актеры индивидуальны. Как та же Дороница. Навероятно, что в прежние времена она была лучшей актрисой по опросам «Советского экрана» два года подряд. Эта ее нервность, возведенная в квадрат, многих возмущала. А народ ее любил. Профессионалов же — актеров, режиссеров Дороница бесила. Ну не дураки? Она уже всем все доказала. Нет, ненавидят, раздражает. А Нонна Викторовна Мордюкова? Она же гений. Ни разу не дали ничего сыграть, сопоставимого с ее гениальностью. У меня мурашки шли по коже, когда я смотрела отснятый материал в своем фильме. Я ничего не могла резать. А какие умные, глубокие монологи она сочиняет! Актёр все-таки должен быть умным. Если нет мозгов, невозможно свой талант направить в правильную сторону.
— Тему «Нет смерти для меня» не хотите продолжить?
— Даже не знаю, я сейчас взялась за игровое кино. Тот опыт для меня был важным, хотя на картину обрушилось столько критики. Но я послала кассету Мордюковой с мыслью: «Как Нонна Викторовна скажет, так и будет». Она позвонила и сказала: «Ренаточка, не слушайте никого, это потрясающая картина». А рецензии многие были отрицательными... Эта картина для меня была нечеловечески кровавой. (Прислушивается к песне Земфиры и говорит: «Как мне нравятся ее старые альбомы!»)

«На дружбу у меня нет времени»

— Вам нравится какой-нибудь неумственный труд?
— Сейчас я занимаюсь конным спортом. Мне так нравится! Хотя я столько падала уже. Оказывается, лошади — очень нежные существа. Хлопнет пакет полиэтиленовый или ветка оторвется — они шарахаются.
— Вы создали свой стиль. А как относитесь к моде?
— Актёр не должен ориентироваться на моду. Звезды должны узнавать. Если актрисе идет красная помада, она должна ею пользоваться независимо от моды. Я люблю красное. В принципе мода безразна, она не может подходить всем.
— А демократичные джинсы носите?
— Джинсы не слишком люблю. Они какие-то неудобные, твердые и жесткие.
— Слышала, во ВГИКе вас называли «фашисткой» из-за того, что всегда носили черный свитер, юбку и туфли на шпильке... Искали свой стиль?
— Я так одевалась, потому что на другую одежду не было средств. А хотелось выглядеть аккуратно. На самом деле, чтобы одеваться элегантно, не надо много денег. Главное — быть чисто одетым. Иногда смотрю на студентов и думаю, какие же они неухоженные.
— У вас есть подруги?
— Была одна — та, которая погибла. Я, наверное, всегда выбираю странных подруг. Опять же для дружбы нужны энергия, время, которых у меня нет. Это роскошь. Я всегда могу помочь, но просто общаться, когда все и так хорошо, у меня нет времени. (Бросает красноречивый взгляд на часы.)
— Спокойный образ жизни — единственное, чем вы пожертвовали ради своего успеха?
— Знаете, актрисы во время съемок «Нет смерти для меня» мечтали только об одном — играть. Боже мой, ничему-то нас жизнь не учит, думала я. Все равно мы хотим новых ролей, новых испытаний. И я такая же безумица и жертва кинематографа.

Надежда Келлер.

фото Александра Басалаева